

ISSN 1392-8295

mokslo darbai   transactions

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2013 Nr. 23 (28)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 23 (28)

MOKSLINIS TĘSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.).

Mokslo kryptis: filologija (04H). Mokslo sritys: gramatika, semantika, semiotika, sintaksė (H 352), bendroji ir lyginamoji literatūra, literatūros kritika, literatūros teorija (H 390).

Pagrindinės kalbos: lietuvių, lenkų, anglų, rusų.

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Uniwersytet Wileński – Wydział Humanistyczny w Kownie oraz Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

Kierunek naukowy: filologia (04H). Dyscypliny naukowe: gramatyka, semiotyka, semantika, syntaktyka (H 352), literatura ogólna i porównawcza, krytyka literacka, teoria literatury (H 390).

Podstawowe języki: polski, litewski, angielski i rosyjski.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and The Jan Kochanowski University Faculty of Humanities in Kielce.

Scientific field: philology (04H). Research areas: grammar, semantics, semiotics, syntax (H 352), general and comparative literature, literary criticism, literary theory (H 390).

The journal accepts articles and correspondence written in English, Lithuanian, Polish and Russian.

DUOMENŲ BAZĖS / BAZY DANYCH / ABSTRACTING AND INDEXING

**Elektronische
Zeitschriftenbibliothek (2002)
Arianta (2002)**

Frei zugängliche E-Journals
Universitätsbibliothek Regensburg
Naukowe i branżowe polskie czasopisma elektroniczne
Biblioteka Uniwersytetu Śląskiego
Russian Language, Literature and Cultural Studies
Central and Eastern European Online Library
DFG Nationallizenzen

**Balcan Rusistics (2004)
C.E.E.O.L. (2005)**

Humanities International Complete
Humanities Source
Current Abstracts
Humanities International Index
TOC Premier

MLA (2007)

Modern Language Association
International Bibliography

Index Copernicus (2008)

Index Copernicus International
Journal Master List

**Lituanistika (2011)
Linguistic Bibliography Online (2012)
Ulrichs (2013)**

The database of the humanities and social sciences in Lithuania
Brill Leiden, Netherlands
Ulrich's Periodicals

PATIKRA / WERYFIKACJA / VERIFICATION

CrossCheck, EPAS

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial board

Žurnalas „Respectus Philologicus“
Vilniaus universitetas
Kauno humanitarinis fakultetas
Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva
Tel. +370 37 750 536
El. paštas / E-mail respectus@gmail.com

Respectus Philologicus
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitines 8, Kaunas 44280, Lithuania

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage <http://filologija.vukhf.lt>

Moksliniai ir kalbos redaktoriai / Redakcja naukowa i językowa / Proof-readers

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / Lithuanian language)
Kazimierz Luciński, Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / Polish language)
Algis Braun (anglų kalba / język angielski / English language)
Eleonora Lassen, Viktorija Makarova (rusų kalba / język rosyjski / Russian language)

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

Vertimas / Tłumaczenie / Translation

Živilė Nemickienė, Beata Piasecka

Print ISSN 1392-8295, Online ISSN 2335-2388

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2013

© Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2013

Людмила Гарбуль

Вильнюсский университет

Институт иностранных языков

Кафедра романских языков

Universiteto g. 5, LT-01513 Vilnius, Lietuva

Тел.: +370 5 268 72 75

E-mail: liudmila.garbul@ff.vu.lt

Область научных интересов автора: историческая лексикология русского языка, межславянские языковые контакты и заимствования

ЗНАЧИМОСТЬ ФАКТОРА МЕЖСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НОВОГО ТИПА

В статье приводятся итоговые данные верификации почти 1000 лексических и свыше 300 семантических полонизмов, обнаруженных в дипломатической корреспонденции Московского государства конца XVI – первой половины XVII в., и формулируются выводы о роли польского влияния на русский письменный язык в этот и последующий периоды.

Согласно полученным результатам, польское воздействие на русский письменный язык в конце XVI – первой половине XVII в. возрастает не только в количественном отношении, но становится иным и в качественном плане, что приводит к тесному взаимодействию лексико-семантических систем контактирующих языков на более глубинном уровне. Это, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что продукция Польского приказа во второй половине XVI–XVII вв. выступала не только как один из основных каналов полонизации словарного состава русского языка, но в силу довольно большого количества семантических заимствований, а также увеличения числа внутриславянских дериватов среди лексических заимствований в XVII в. она способствовала распространению польского культурного влияния в более широком аспекте. Это, в частности, нашло отражение в стратегии формирования языковой политики Московской Руси, когда на великорусскую почву переносится югозападнорусская языковая ситуация, которая, в свою очередь, представляла заимствование польской языковой ситуации. В этом процессе весьма значима была роль «простой мовы», которая ввиду отсутствия парного ей эквивалента в великорусских условиях, оказывала непосредственное воздействие на приказный язык Московского государства, в особенности на дипломатическую корреспонденцию, выступая в роли очень активного посредника в польско-русских языковых контактах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *приказный язык, польско-русские языковые контакты, лексические полонизмы, семантические полонизмы, «простая мова».*

В современной лингвистике общепризнано, что межъязыковые контакты являются одним из факторов, стимулирующих развитие контактирующих языков. Это касается всех языков, в том

числе и славянских, ведь наблюдаемое в наше время и в более ранние периоды сходство славянских языков лишь отчасти обусловлено их генетическим родством. В значительной же степени

общность лексического состава этих языков является следствием их активно-го взаимодействия, не прерывавшегося после распада праславянского единства и прослеживаемого в разных направлениях и с разной интенсивностью на протяжении всей их письменной истории.

Так, в свое время еще Н. С. Трубецкой (1990а: 139; 1990б: 120) обратил внимание на то, что при формировании западнославянских и восточнославянских литературных языков фактор взаимного влияния играл очень большую роль. При этом в XVII в. западнославянская, в частности польская, литературно-языковая традиция оказывала воздействие на русский язык как непосредственно, так и через посредничество «простой мовы»¹.

В истории русского литературного языка семнадцатое столетие – это переломный период, время начала коренных революционных перемен. Уже в первой половине XVII в. создаются предпосылки для возникновения литературного языка нового типа, в той или иной мере ориентированного на разговорную речь, а во второй половине столетия закла-

дываются основы этого языка, первые шаги в сторону кодификации которого наблюдаются с начала XVIII в.

По мнению ряда крупнейших исследователей (см. Виноградов 1982: 10–36, 53–54; Унбегаун 1965: 178–184; Никитин 2004: 3, 4, 11, 15; 2005: 81–88; см. также: Кортава 1998; Трофимович 2003: 5), в становлении нового русского литературного языка большую роль играл приказный язык, и в частности язык официальных дипломатических документов, которые в XV–XVIII вв., помимо прочего, являлись одним из основных источников пополнения русского языка иноязычными заимствованиями, в том числе и польскими. Истоки усиления польского влияния в конце XVI–XVII вв. следует искать в Смутном времени, событиях которого «обусловили невольный выход Московской Руси из изоляции и столкновение великорусской культуры с польской и югозападнорусской», что способствовало перестройке отношений между церковнославянским и русским языком: разрушению церковнославяно-русской диглоссии и дальнейшему переходу ее во второй половине XVII в. к церковнославяно-русскому двуязычию, следствием чего было формирование литературного языка нового типа (Успенский 2002: 472, 511). И именно на фоне этих кардинальных преобразований в русском языке в XVII в. и в XVIII в. усваивается иностранно-русское двуязычие – польско-русское, позднее немецко-русское, голландско-русское, француско-русское, – когда тот или иной иностранный язык выступает в определенной среде на правах высокого, литературного языка (там же, 511).

Учитывая изложенное выше, понятно, почему вопросам польско-русских

¹ Определение понятия «простая мова» до сих пор является объектом дискуссий (см.: Brogi Bercoff 1999: 11–21; Успенский 1994: 69; 2002: 387–392; Смирнова 2009: 199–206). Мы в своих исследованиях опираемся на трактовку этого языка, предложенную австрийским славистом М. Мозером (2002: 221, 228): «простая мова» – это литературно обработанная, надрегиональная разновидность белорусского и украинского языков среднего периода, возникшая на основе общего русского (= украинско-белорусского) делового языка. В XVI–XVII вв. она выступала в роли одного из письменных языков Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) наряду с церковнославянским языком. По мнению М. Мозера (там же: 233–250), «простая мова» обладала всеми признаками литературного языка: полифункциональностью, определенной искусственностью, надрегиональностью, нормированностью, которая основывалась не на кодификации, а на узусе.

культурных и языковых связей в XVI–XVIII вв. уделялось достаточно большое внимание начиная уже со второй половины XIX в. (см. Гарбуль 2009а: 44–58). Работы, освещающие эту проблематику как в русской, так и в западной славистике многочисленны и разнообразны. По своему характеру они могут быть подразделены на несколько групп. К первой группе относятся исследования, посвященные собственно полонизмам, проникшим в русский и другие восточнославянские письменные языки указанного выше периода. В них основной акцент делается на этимолого-хронологическом анализе заимствований (установление источника и времени заимствования, иногда – условий). Со второй половины XX в. в работах этого плана уделяется также внимание вопросам, связанным с реакцией принимающего языка, и проблемам освоения заимствований. К исследованиям второго типа, где так или иначе рассматриваются полонизмы, можно причислить историко-лексикологические публикации, посвященные различным группам словарей того или иного времени – функциональным или стилистическим. Еще одно направление в изучении польских заимствований – характеристика памятников отдельных жанров в этом отношении.

Проблематика польско-русских языковых контактов не утрачивает своей актуальности и в нынешнем столетии (см. Zoltán 2001; 2003; Kochman 2003; 2005; Witkowski 2006; Moser 2007; Золтан 2002; Моисеенко 2003; Щитова 2006а; 2006б; Аникин 2007; 2008; 2009; 2011 и др.). На данный момент наиболее полно перечень полонизмов, выявленных в русском языке XV–XX вв., представлен в работе В. Витковского (2006), этот список вклю-

чает в общей сложности около восьми тысяч полонизмов. Тем не менее, несмотря на такой интерес к вопросам польско-русских языковых связей на протяжении уже более полутора веков, нельзя сказать, что полонизмы в русском языке XVI–XVIII вв. выявлены исчерпывающе, что связано как с объективными², так и субъективными³ причинами.

Наибольший же интерес в плане по возможности более полного выявления полонизмов, на наш взгляд, представляет приказная письменность Московского государства (далее МГ), в частности официальная дипломатическая документация XVI–XVII вв., которая, как упоминалось ранее, играла важную роль в становлении русского литературного языка. Документы Посольского приказа занимали особое место в приказной письменности МГ, представляющей собой разновидность русского делового языка, который был одним из основных претендентов в борьбе за историко-культурное главенство с другими видами письменности в эпоху формирования национальных основ литературно-языковой традиции (см. Никитин 2004: 38). Из всех же типов деловой письменности не что иное, как посольская переписка в силу своей открытости для всякого рода

² До сих пор не завершено издание исторических словарей западнославянских и восточнославянских языков.

³ От исследователя требуется сугубая проницательность уже на начальном этапе отбора языкового материала, так как среди вновь выявляемых полонизмов в основном преобладают межславянские заимствования: внутриславянские лексические дериваты и семантические кальки. В первом случае сложность установления факта заимствования состоит в том, что применение только формальных (строго лингвистических) критериев малопригодно. В случае с семантическими кальками трудность заключается в том, что их природа проявляется не в языковой форме, а исключительно в содержании.

воздействий была практически единственным возможным видом фиксации различных отклонений, в том числе и иноязычного влияния (в XVI–XVII вв., в частности, польского), от норм книжного (церковнославянского) языка. А это в свою очередь создавало предпосылки для проявления такого влияния в других сферах языковой деятельности, а именно в книжном языке Московской Руси (см. Живов 1986: 259).

Принимая во внимание значимость приказной письменности в истории русского языка, вполне резонно считать, что научный интерес представляют и все факторы, воздействовавшие на нее. В XVII в. одним из таких факторов, активно влиявших на приказный язык, особенно на дипломатическую документацию, был польский язык, что подтверждается целым рядом проводившихся ранее исследований. Однако число работ, опубликованных в XX в. и посвященных анализу исключительно польских заимствований именно в документах Посольского приказа, невелико (см. Fogarasi 1958; Kochman 1971; 1972; 1973; 1974; 1978; 1980; 1991), а приведенные в них данные нуждаются в уточнении и дополнении.

В своих исследованиях польского влияния на русский язык мы сосредоточили внимание на дипломатической корреспонденции МГ конца XVI – первой половины XVII в.⁴ по сношениям с западноевропейскими державами⁵. В

общей сложности в этих памятниках к настоящему времени нами было обнаружено около 1300 предполагаемых лексических и свыше 300 семантических полонизмов⁶. Из этих списков слов на данный момент процедуре верификации на предмет подтверждения или установления факта лексического заимствования из польского было подвергнуто около 1000 лексем, а на предмет обоснования факта семантического калькирования из того же источника – более 300 лексем.

По результатам верификации этого лексического материала можно сформулировать некоторые обобщающие выводы:

1. На данный момент факт лексического заимствования из польского удалось подтвердить или установить впервые⁷ почти в 900 случаях⁸, а факт семантического калькирования – в 319 случаях⁹. По отношению к общему количеству по-

---

давским княжеством и Валахией, Речью Посполитой (Польшей и ВКЛ), Священной Римской империей, Францией, Швецией, а также Турцией. Они представляют собой опубликованные посольские книги и их фрагменты.

⁶ В понятие «полонизм» мы включаем три вида языковых единиц, выявленных в лексико-семантической системе анализируемых письменных источников: исконно польские по происхождению лексические единицы, слова польского происхождения, проникшие в русскую дипломатическую переписку благодаря посредничеству деловой письменности ВКЛ и/или «простой мовы», и лексические элементы третьих языков (латынь, чешский, немецкий, итальянский, французский и др.), вошедшие в русский язык через посредство польского. При этом в последнем случае в роли еще одного посредствующего звена часто выступала письменность ВКЛ.

⁷ Факт лексического заимствования из польского для 46 лексем был установлен впервые (см. Гарбуль 2004а; 2004б; 2005а; 2005б; 2008; 2010а; 2010б; 2011а; 2011б).

⁸ Этот материал готовится к публикации.

⁹ В 173 случаях факт семантического калькирования был установлен впервые. Данные по исследованию семантических полонизмов см.: Гарбуль 2009а.

⁴ В рамках исторических событий внутренней жизни Московской Руси это период от начала Смуты (1598 г.) до середины XVII в., включая воссоединение Украины с Россией в 1654 г. Некоторые документы, касающиеся последнего события, относятся к 1655–1656 гг.

⁵ Мы анализировали документы по сношениям МГ с Англией, Голландией, Данией, Италией, Мол-

лонизмов, отмеченных в русском языке в XV–XX вв. (см. Witkowski 2006), это составляет более 15%, что свидетельствует о достаточно высокой степени интенсивности польского влияния на русский письменный язык в интересующий нас период. Более того, если учесть, что в нашем списке полонизмов лексические заимствования, проникшие в русскую письменность в XV – первой половине XVI в., составляют только около 21%, а семантические кальки за тот же период – около 30% от общего числа рассмотренных заимствований, то очевидно заметное усиление польского влияния на русский письменный язык во второй половине XVI – первой половине XVII в. по сравнению с предшествующим периодом.

2. Для почти 40% лексических и более 36% семантических заимствований было установлено более раннее время их появления в русской письменности. При этом для более чем 16% лексических полонизмов удревнение хронологии составило более полувека. В связи с этим заметим, что хронологическая характеристика очень важна при установлении направления влияния при контактировании генетически родственных языков.

3. С точки зрения происхождения более 60% лексических полонизмов представляют собой внутриславянские дериваты с праславянским корнесловом и другими словообразовательными аффиксами, около 17% среди лексических заимствований составляют слова, образованные в польском языке на базе заимствованной корневой морфемы с помощью исконных славянских аффиксов. Примечательно, что среди впервые установленных лексических полонизмов (см. сноску 6) были отмечены только заимствования первого типа. И как по-

казывает наш материал, и в дальнейшем перечень полонизмов, проникших в русский письменный язык XVII в., будет пополняться, видимо, в основном за счет заимствований такого рода. Среди уже верифицированных семантических полонизмов число внутриславянских дериватов еще выше и составляет около 94%. Подчеркнем, что увеличение количества именно таких заимствований может свидетельствовать о качественном изменении характера межславянских культурных и языковых контактов в XVII в., когда язык-донор (в нашем случае – польский) становится не только и не просто посредником в передаче других западноевропейских влияний, но и непосредственным источником заимствований.

4. В более чем 80% случаев заимствование как лексических, так и семантических полонизмов, вероятнее всего, осуществлялось при посредничестве «простой мовы», что говорит о ее весьма активной роли в польско-русских языковых контактах XVI–XVII вв. (см. Гарбуль 2009б).

5. До недавнего времени в исследованиях по польско-русским языковым контактам бытовало мнение, что среди заимствований из польского языка в русский язык в XVI–XVIII вв. преобладала специальная лексика из таких сфер, как администрация и управление, правосудие, военное дело, медицина, флора и фауна, религия, мораль, культура, средства коммуникации и др. Обогащение словарного состава русского языка в XVI–XVIII вв. этими элементами не вызывает сомнений и объяснимо внеязыковыми факторами: культурным влиянием, развитием различных отраслей знаний, науки и производства.

В наших материалах наряду с заимствованиями этого рода достаточно высока доля заимствований общеупотребительной лексики, что может быть еще одним доказательством изменения самого характера польского влияния на русский язык в XVII в. Оно возрастает не только в количественном отношении, но становится иным в качественном плане, что приводит к тесному взаимодействию лексико-семантических систем контактирующих языков на более глубинном уровне. При этом увеличению проницаемости лексико-семантической системы русского языка могло способствовать следующее обстоятельство: если для части великорусских книжников польский язык становится эталоном при создании ими «простого» языка лишь со второй половины XVII в. (см. Целунова 2006: 135), то персоналом Посольского приказа, учитывая его состав и уровень подготовки, а также частые непосредственные контакты с представителями западно-европейской культуры, авторитетность этого языка могла осознаваться уже со второй половины/конца XVI – первой половины XVII вв.

Представленные выше результаты исследования дипломатической корреспонденции МГ конца XVI – первой

половины XVII вв. дают определенные основания для итогового заключения о том, что продукция Посольского приказа в указанный период выступала не только как один из основных каналов полонизации словарного состава русского языка, но в силу довольно большого количества семантических заимствований, а также увеличения числа внутриславянских дериватов среди лексических заимствований в XVII в. она способствовала распространению польского культурного влияния в более широком аспекте. Это, в частности, нашло отражение в стратегии формирования языковой политики Московской Руси, когда, согласно Б. А. Успенскому (2002: 394, 472, 490–494), на великорусскую почву переносится югозападнорусская языковая ситуация, которая, в свою очередь, представляла собой заимствование польской языковой ситуации. В этом процессе весьма значима была роль «простой мовы», которая ввиду отсутствия парного ей эквивалента в великорусских условиях, сама будучи создана на базе канцелярского языка ВКЛ, оказывала непосредственное воздействие на приказный язык МГ, в особенности на дипломатическую корреспонденцию, выступая в роли очень активного посредника в польско-русских языковых контактах.

Литература

АНИКИН, А. Е., 2007, 2008, 2009, 2011. *Русский этимологический словарь*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси. Вып. 1–5.

ВИНОГРАДОВ, В. В., 1982. *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Высшая школа.

ГАРБУЛЬ, Л., 2004а. К вопросу о межславянских лексических заимствованиях в русском приказном языке XVI века. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 49, fasc. 1–2, 27–43.

ГАРБУЛЬ, Л., 2004б. К истории некоторых полонизмов в русском языке. *Respectus Philologicus*, 6 (11), 45–55.

ГАРБУЛЬ, Л., 2005а. К вопросу о происхождении лексем *жадность*, *заочно*, *заочный*, *заслуга*, *злость* в русском языке. *Slavistica Vilnensis 2004 (Kalbotyra, 53 (2))*, 53–67.

ГАРБУЛЬ, Л., 2005б. Межславянские заимствования-полонизмы в русском приказном языке XVII века. *Respectus Philologicus*, 8 (13), 110–121.

- ГАРБУЛЬ, Л., 2008. История лексем *затруднить*, *налгать*, *пограничье*, *родовитый* в русском и других восточнославянских языках. *Respectus Philologicus*, 13 (18), 180–191.
- ГАРБУЛЬ, Л., 2009а. *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета.
- ГАРБУЛЬ, Л., 2009б. «Простая мова» как проводник польского влияния на русский приказный язык второй половины XVI – первой половины XVII в. *Slavistica Vilnensis 2005–2009 (Kalbotyra, 54 (2))*, 192–198.
- ГАРБУЛЬ, Л., 2010а. История лексем *дознаться* и *заслышать* в русском и других восточнославянских языках. *Slavistica Vilnensis 2010 (Kalbotyra, 55 (2))*, 140–148.
- ГАРБУЛЬ, Л., 2010б. Отражение результатов межславянских языковых контактов в русской деловой письменности первой половины XVII века (синхронный и диахронический аспекты). *Respectus Philologicus*, 18 (23), 179–190.
- ГАРБУЛЬ, Л., 2011а. Отражение результатов межславянских языковых контактов в русской деловой письменности первой половины XVII века (синхронный и диахронический аспекты). Часть 2. *Respectus Philologicus*, 19 (24), 168–178.
- ГАРБУЛЬ, Л., 2011б. К вопросу о межславянской миграции лексики (о происхождении некоторых слов в русском языке). *In: Русистика и компаративистика: сборник научных статей*. Вып. VI. Вильнюс-Москва: Edukologija, 191–201.
- ЖИВОВ, В. М., 1986. Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения. *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*, т. 45, 3, 246–260.
- ЗОЛТАН, А., 2002. К предыстории русск. *государь*. *In: Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Из истории русской культуры*. Т. II. Кн. 1. *Киевская и Московская Русь*. Москва: Языки славянской культуры, 554–590.
- КОРТАВА, Т. В., *Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка*. Москва: Издательство Московского университета.
- МОЗЕР, М., 2002. Что такое «простая мова»? *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 47, fasc. 3–4, 221–260.
- МОЙСЕЕНКО, В. Е., 2003. Еще раз об истории слова *водка* (этимологический этюд). *In: Славянский вестник*. Вып. 1. Москва: Издательство Московского университета, 84–95.
- НИКИТИН, О. В., 2004. *Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVII вв.)*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва: Издательство Московского государственного областного университета.
- НИКИТИН, О. В., 2005. Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилиобразующие средства). *Филологические науки*, 1, 81–88.
- СМИРНОВА, Е. А., 2009. «Простая мова» как лингвистический феномен Великого княжества Литовского (на лексическом материале *Евангелия Тяпинского* в сравнении с *Острожской библией*). *Slavistica Vilnensis 2005–2009 (Kalbotyra, 54 (2))*, 199–206.
- ТРОФИМОВИЧ, Т. Г., 2003. *Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности*. Минск: БГПУ.
- ТРУБЕЦКОЙ, Н. С., 1990а. Общеславянский элемент в русской культуре. *Вопросы языкознания*, 2, 122–139.
- ТРУБЕЦКОЙ, Н. С., 1990б. Общеславянский элемент в русской культуре. *Вопросы языкознания*, 3, 114–134.
- УНБЕГАУН, Б. О., 1965. Язык русского права. *In: На темы русские и общие: сборник статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева*. Нью-Йорк: Издательство Общества друзей русской культуры, 178–184.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А., 1994. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва: Гносис.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А., 2002. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва: Аспект Пресс.
- ЦЕЛУНОВА, Е. А., 2006. *Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Текст, словоуказатель, исследование*. Москва: Языки славянских культур.
- ЩИТОВА, О. Г., 2006а. Польские заимствования в томской разговорной речи XVII века. *Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология»*, 291, 195–199.
- ЩИТОВА, О. Г., 2006б. Реконструкция неисконной лексики тематической группы

«военное дело» в томской разговорной речи XVII века. *Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология)*, вып. 5 (56), 28–34.

BROGI BERCOFF, G., 1999. О языковой ситуации в Великом княжестве Литовском и в России (конец XVI – начало XVIII века). *Studia Russica XXII*. Budapest, 11–21.

FOGARASI, M., 1958. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488–1699). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 4, 1–2, 47–70.

KOCHMAN, S., 1971, 1972, 1973, 1974. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487–1571), cz. I–IV. *Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Wydział II Języka i Literatury. Seria B*, 7, 37–54; 8, 63–74; 9, 33–42; 10, 15–27.

KOCHMAN, S., 1978. Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI–XVIII wieku (*граммота, лист*). *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska* XVI, 73–86.

KOCHMAN, S., 1980. Europejskie elementy w rosyjskiej terminologii dyplomatycznej. *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Gdańskiego. Wydział Humanistyczny. Filologia Rosyjska* IX, 107–118.

KOCHMAN, S., 1991. Niezauważone polonizmy w rosyjskiej terminologii dyplomatycznej (XVI–XVII w.). *Sprawozdania Opolskiego To-*

warzystwa Przyjaciół Nauk. Wydział II Języka i Literatury. Seria B, 23, 29–35.

KOCHMAN, S., 2003. К вопросу о кальках в истории русского литературного языка (заметки на полях одного исследования). In: Red. A. PSTYGA. *Wokół struktury słowa*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 25–36.

KOCHMAN, S., 2005. *Studia nad słownictwem i frazeologią słowiańską*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.

MOSER, M., 2007. Philologie als Schlüssel zu den nach morphologischen Prinzipien adaptierten Polonismen im Russischen. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 52, fasc. 1–2, 299–308.

WITKOWSKI, W., 2006. *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Wyd. II rozszerzone. Kraków: Universitas.

ZOLTÁN, A., 2001. Межславянские этимологии (русск. *добровольно, доход*). In: Szerk. L. Vohmina, E. Nagy. *Nyelv – etnográfia – kultúra. Язык – этнография – культура. Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения В. И. Даля*. Szombathely – Budapest: Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola, Szombathely, Orosz Kulturális Központ, 64–78.

ZOLTAN, A., 2003. Польско-русский диалог на западнорусском языке (на примере этимологии русск. *доход*). In: Red. S. KOCHMANA i Cz. LACHUR. *Dialog w literaturach i językach słowiańskich. Tom 2. Językoznawstwo*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 175–181.

Liudmila Garbul

Vilnius University, Lithuania

Research interests: historical lexicology of Russian and other East Slavonic languages, interslavonic language contacts, loan-words

THE SIGNIFICANCE OF INTERSLAVONIC LANGUAGE CONTACTS IN THE FORMATION OF A NEW TYPE OF LITERARY RUSSIAN

Summary

This article presents facts verifying the presence of nearly 1,000 lexical and over 300 semantic

Polonisms found in the Russian chancery language (diplomatic correspondence) of the Muscovite state of the end of 16th and the first half of the 17th centuries, and draws conclusions about the role of the Polish influence on the Russian written language at that time and thereafter. According to our data, the Polish influence on the Russian written language in the first half of the 17th century extended both in terms of quantity and quality as well, which led to the close interaction of the lexical and semantic systems of the contiguous languages on a deeper level. This, in our opinion, allows us to discuss the fact that the production of the *Posolsky Prikaz* (ambassadorial office) in the second half of the

16th–17th centuries acted not only as one of the main channels of the Polonisation of Russian lexis, but—due to the rather large amount of semantic borrowings, as well as the increasing number of intraslavonic derivatives among lexical borrowings in the 17th century— encouraged the extension of the influence of Polish culture in a broader aspect as well. This was reflected in the strategy of the formation of Muscovite Russian language policy, when the southwestern Russian language, which in its turn represented the borrowing of the Polish

language situation, was being transformed onto the Great Russian soil. It should be pointed out that the *prostaja mova*, which—due to the absence of its equivalent in Great Russian conditions—played a great role and acted as an active mediator in Polish–Russian language contacts, influenced the chancery language of the Muscovite state, especially diplomatic correspondence.

KEY WORDS: chancery language, Polish–Russian language contacts, lexical Polonisms, semantic Polonisms, *prostaja mova*.

Gauta 2012 09 25

Priimta publikuoti 2013 01 18